

Вокруг ЧЕХОВА

Сегодня общественное сознание охладело к пышным юбилеям, формальному чествованию классиков. И это только приближает нас к Чехову.

В личности Чехова, в критериях нравственности, в подходе к людям, говоря уже о его творчестве, обнаруживаются самые живые, актуальные черты. В нашей публицистике уже отмечалось, как современно звучит хотя бы такое предостережение Чехова: «Великие события застанут нас врасплох, как спящих дев... Если бы теперь вдруг мы получили свободу, о которой мы так много говорим, когда грызем друг друга, то на первых порах мы не знали бы, что с нею делать, и тратили бы ее только на то, чтобы обличать друг друга в газетах в шпионстве и пристрастии к рублю и запугивать общество уверениями, что у нас нет ни людей, ни науки, ни литературы, ничего! А запугивать общество, как мы это делаем теперь и будем делать, значит отнимать у него бодрость, то есть прямо расписываться в том, что мы не имеем ни общественного, ни политического смысла. И я думал также, что прежде чем заблестит заря новой жизни, мы обратимся в зловещих старух и стариков и первые с ненавистью отвернемся от этой зари и пустим в нее клеветой».

Свободный ум и неподкупное нравственное чувство Чехова достойны служить ориентирами для нашего общественного и личного поведения.

Как известно, Чехову претили всякие чествования, искусственные «общества», кружки и собрания. И когда несколько лет назад заговорили о создании Чеховской комиссии, то имелась в виду не очередная помпезно-неуменная организация, запальная тисслаславный огонь возле имени Чехова. Речь шла о будничной, каждодневной работе над чеховским наследием.

Чехов настолько популярен в нашей стране и во всем мире, что, пожалуй, не нуждается в пропаганде. Но в помощи нуждаются, например, чеховские музеи. Они интересны сегодня многим, и в частности потому, что дают представление о настоящем интеллигенте. Говорили, что у Чехова нет положительных героев. Но разве он сам с его душевным строем не лучший «образец для подражания»?

Чеховскую комиссию учредило в самом конце 1987 года бюро Научного совета по истории мировой культуры АН СССР.

До той поры в Академии наук, в ее гуманитарной части, существовали лишь три персональные комиссии, связанные с именами великих писателей. Это комиссии, посвященные Пушкину, Гёте, Шекспиру.

Перед Чеховской комиссией стоят самые разнообразные задачи: координировать деятельность ученых, работающих по чеховской тематике; проводить всесоюзные и международные конференции, посвященные Чехову; помогать научными консультациями чеховским музеям; принимать участие в театральных фестивалях, в подготовке и обсуждении постановок и фильмов по произведениям Чехова и т. д.

В ряду этих задач — издание «Чеховианы», сборника научных работ и публикаций. Первый выпуск, выходящий вскоре в свет в издательстве «Наука», должен представить читателям разные направления и жанры чеховедения и различные грани того, что обнимается понятием «мир Чехова». Сюда входят материалы к биографии писателя, исследования, касающиеся его творческой лаборатории, а также работы, освещающие судьбу чеховского наследия; литературная родословная Чехова и его традиции в разных видах искусства; восприятие личности и творчества Чехова в современном мире; работа музеев; очерки о людях, так или иначе связавших свою жизнь с именем Чехова, с изучением его биографии и творчества.

В. Я. ЛАКШИН,
председатель Чеховской комиссии

Неизданное письмо

Дом-музей А. П. Чехова в Москве располагает картотекой, в которой зафиксированы частные коллекции, содержащие автографы писем, книги Чехова с дарственными надписями. Сотрудники музея находят и стараются не упустить из поля зрения людей, обладающих реликвиями, принадлежавшими Чехову и его окружению.

Иногда экспонаты и крайне редкие теперь неизданные письма Чехова всплывают из небытия вроде бы нечаянно. Их приносит сами владельцы. Музей с благодарностью принимает дары, охотно приобретает документы. Так в фондах музея недавно появилось неизвестное ранее письмо А. П. Чехова от 31 мая 1903 г. (публикация Г. Ф. Шебелевой).

Адресат Чехова — Горбунов-Посадов Иван Иванович (1864—1940), писатель, педагог, друг и последователь Л. Н. Толстого. С 1885 г. — сотрудник книгоиздательства «Посредник», с 1897 г. — его руководитель.

По дешевой цене «Посредник» распространял свои издания — тысячи книжек для народа с произведениями Толстого, Лескова, Чехова, Горького и других русских и иностранных писателей.

Вот текст письма:
«Дорогой Иван Иванович, 14 мая я виделся с Марксом и говорил с ним о «Посреднике»; после долгого разговора он обещал подумать и написать Вам и мне¹. До сих пор я не получил от него письма. Получили ли Вы?»

Напишите мне, пожалуйста.
Мой адрес: Наро-Фоминское Московской губернии. Здесь я живу на даче: вот уже дней пять, как мне нездоровится.

Был я у проф. Остроумова². Он приказал мне жить зимой под Москвой в деревне. Я, конечно, рад очень.

Крепко жму руку. Напишите же мне.
31 мая 1903 г.

Ваш А. Чехов
Скажите П. И. Бул³ «анже»³ Морозова⁴ я не видел.

Подвижник

Юрий Константинович Авдеев
Музейное дело — особенная профессия, требующая энтузиазма и беспрестанности.

Музейное дело начинается не с громких обращений к общественности, не с требований штатов, печатей и счетов в

бане, но с многолетней подготовки, настоящего служения своей теме и своему «герою». Таким был директор Музея-заповедника А. П. Чехова в Мелихово Юрий Константинович Авдеев (1918—1987).

Молодой одаренный художник, в 1941 г. ушедший на фронт, от тяжкого ранения ослеп. Но таковы были воля и жизнелюбие этого человека, что зрение частично, в едва ощутимой мере вернулось к нему. Для Авдеева этого оказалось достаточно, чтобы вновь рисовать, писать книги и делать главное дело своей жизни. Делом этим и стало Мелихово, которое предстояло возродить из руин.

Мелихово послевоенной поры досталось Авдееву разрушенным и опустошенным. Не было ни чеховского дома, ни сада; сохранился лишь обветшалый, но подлинный флигель. Все надо было создавать заново. И создавали — Авдеев и его жена, друг, неоценимый помощник, главный хранитель музея Любовь Яковлевна Лазаренко.

Постепенно Мелихово делалось таким же, как при Чехове. Выросли в усадьбе дом, простой и крепкий, и «наивный двор», и сверкающая чистотой кухня с пучками душистых трав на стене... Так же цвели летом розы и сахалинская гречиха, а огород «Юг Франции» был полон диких вишен для Подмосковья растений, выращенных заботливыми хозяевами...

О многотрудном процессе возрождения и развития Мелихова Авдеев рассказывал часто — устно и письменно, по радио и телевизору, в своих статьях и книгах. Главная из них — «В чеховском Мелихово» — к 1984 г. выдержала пять изданий.

До последних дней, уже безнадежно больной, потерявший свою спутницу и подругу, Авдеев работал над рукописью очередной книги. Он вращивал и новый замысел, важный и современный: Чехов и экология. Замысел был широк, соединял возвышенное и земное, философию Чехова и его практику садовода, мысли и дела его героев и его самого, сегодняшнюю остроту и исторический аспект проблемы. «Следы истории» — так называется фрагмент начатой и оборванной смертью статьи Авдеева.

...Точно на юг от Красных ворот, бывшего въезда в усадьбу, мимо большого чеховского пруда идет прямая, как по линейке вычерченная, граница чеховского имения. Поле слева, лес справа, их разделяет канава.

Поле принадлежало крестьянам Воробьевской слободы, лес — Чехову. Поле клонится вниз и упирается в Прокинский лес. В низине истари гнездятся чибисы, провожая путников вопросом «Чи вы, чи вы?» Канава кончается у заболоченного

Стружкина пруда и резко под прямым углом поворачивает на запад к дубраве, которую зовут Сазонихой. Канава, которая была границей, пересекает Крюковский лоск, где тоже находится пруд, а около него правильным полукругом стоят старые деревья и под ними — кустарники жимолости и бульдонежа. Этот явно искусственный, копаный пруд и правильные парковые посадки заставляют думать, что когда-то здесь был даже не крестьянский хутор, а небольшое имение, название которого начисто стерлось в истории...

Во времена крепостного права было много мелкопоместных дворян, к тому же деливших собственные усадьбы. После отмены крепостного права крестьяне, не имевшие земли, уходили в город. Мелкие землевладельцы, будучи не в состоянии обработать земли, продавали и бросали их. На бывшие когда-то обработанными землями стал наступать лес. Вот так и остались по окраинам лесов следы истории: пруды, старые аллеи, садовые деревья. И хотя со времени отмены крепостного права до покупки Мелихова прошло всего 30 лет, Чехов вряд ли застал брошенные старые усадьбы, и лес уже завоевал когда-то пахотные земли.

В 1888 г., живя на даче в Сумах, Чехов лирически писал «о старых запущенных садах, о забытых наглухо, очень поэтичных и грустных усадьбах». Через год там же он писал свою пьесу «Леший»; отношение его к следам истории становилось более драматичным и жестким, пока не вылилось в известном монологе Астрова из 3-го акта «Дяди Вани»...

...В Мелихово, в годы революции, были снесены все три существовавшие при Чехове помещичьи усадьбы со всеми бывшими хозяйственными постройками, и лишь природа продолжала «красиво вечно сиять». Растут по-прежнему березы на Каширском тракте, по которому давным-давно никто не ходит и не ездит, и березняк по дороге на Крюково (это на бывшей чеховской земле).

Наиболее сохранились аллеи вокруг Вареникова сада. И. А. Вареников купил земельный участок в апреле 1892 года, всего через месяц после Чехова, и есть основания думать, что трехъярусные аллеи из берез, ив и акаций он забил по чеховскому образцу.

Забывшись теперь начисто прежние названия некоторых мест... Даже большой и любимый пруд, выкопанный Чеховым, где он хотел построить дом, мелиховцы упорно зовут «баронов пруд», как будто бы этот пруд только и принадлежал последнему владельцу бывшей чеховской усадьбы барону Стюарту...

Раньше говорили о своеобразии

пейзажа в творчестве Чехова, теперь бы своевременно можно сказать о вопросах экологии...

«Чудесный, несравненный художник»

До сих пор приходят к нам воспоминания о Чехове, дотеле скрытые в архивах. Они, конечно, дополняют, уточняют картину минувшего. Но все-таки дневниковые записи, сделанные «по горячему следу», привлекательны вдвойне. Неопубликованные страницы дневника одного из современников писателя впервые приводятся в «Чеховиане».

Выдающийся музыкант-просветитель Александр Борисович Гольденвейзер, известный в литературной среде как пианист, «под чью игру отдыхал душой Лев Толстой», был в течение всей своей 85-летней жизни страстным книголюбом. Обширная библиотека, переданная им в дар государству наряду с другими культурными ценностями, свидетельствует о многообразии его интересов. Главным для Гольденвейзера в процессе чтения было духовное общение с людьми, которыми он восхищался...

Когда в апреле 1900 г., приехав в Ялту на две недели отдохнуть, Александр Борисович встретил на улице Чехова, то в дневнике записал: «Я крепко пожал ему руку на прощанье, испытывая чувство счастья — держать руку дорогого мне человека. Я никогда не могу отделить творений от их автора. Чьи произведения мне дороги, того я люблю, и люблю не отвлеченно, как писателя, художника, музыканта, а просто как дорогого человека. Но из этих «дорогих» никто не близок так моему сердцу, как Чехов. Об отношении моем ко Льву Николаевичу — человеку и писателю я, конечно, не говорю...»

Чехов остался для Гольденвейзера писателем, который, наряду с Толстым и Пушкиным, сопровождал его в течение всей жизни.

В дневниковой записи Гольденвейзера от 4 февраля 1902 г. читаем: «Вчера смотрел «Три сестры» Чехова. Это писатель, который всегда овладевает моим настроением на несколько дней. Я отлично чувствую, что, если б Лев Николаевич посмотрел эту пьесу, она возбудила бы в нем негодование, но я, несмотря на то, что Лев Николаевич и его мысли для меня дороже тысячи человек, тем не менее полон сочувствия чеховской драме... Он видит жизнь, как она есть и показывает ее нам... Смотря и читая его вещи, я никогда не могу критиковать «сюжет», правдоподобность положений и т. д. — так же, как в жизни... Поэтому и потрясает меня такая драма, как никогда не потрясует страдания какого-нибудь Отелло или Гамлета. То кажется все таким далеким, меня не касающимся, а здесь — я сам среди них, при содействии неподражаемой постановки Художественного театра у меня полная иллюзия, что я прожил в этом обществе эти пять лет, и образы их останутся в памяти, как знакомые люди, которых жаль, горе которых тебе близко...»

12 апреля 1902 г. после вечера, проведенного в компании Шалапина, Горького и других, Александр Бори-

сович записал: «Прочел нынче «Архирей» Чехова. Сюжет — смерть Ивана Ильича. Как мне близок этот писатель! Он больше Горького, глубже, умней...» (Впрочем, тут же прибавляет, что Горький ему в высшей степени симпатичен и «трудно найти человека, более к себе располагающего...».)

Проходят годы, но отношение Гольденвейзера к Чехову не меняется. В его дневнике в записи от 1 февраля 1926 года отмечено: «Днем был в студии Художественного театра на чеховском утре. Было очень хорошо (рассказы — Леонидов, Москвин; сцена и 3-е действие «Чайки» и отрывок из «Дяди Вани»). Тонкое, умное, полное поэзии творчество Чехова было особенно отрадно в наши отвратительно грубые дни. Играли прекрасно...»

Через 14 лет, 3 мая 1940 года, Александр Борисович снова пишет о чеховском спектакле: «Поехал в Художественный театр на «Три сестры». Очень сильное впечатление и очень сложное. Вспомнил прошлое и себя в другие времена. Когда «Три сестры» впервые ставились, это был быт; теперь это история. А между тем, как ни изменились формы жизни, — страдания и радости, страсти, пошлость, подлость, любовь и ненависть — все те же. И любишь их, жалких, ничемных, неприспособленных к жизни. Жизнь уходит, формы меняются, а Чехов все растет, чудесный, несравненный художник, большая душа! Я был глубоко взволнован». И на следующий день: «...Весь день живу с персонажами «Трех сестер», как будто с ними переживал их жизнь...»

Е. И. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР

¹ Чехов отвечает на письмо Горбунова-Посадова от 15 марта 1903 г., в котором руководитель «Посредника» возвращается к вопросу, поданному в их переписке в начале 1899 г. Чехов тогда только что заключил договор на издание своих сочинений с А. Ф. Марксом. По кабальным условиям договора он не имел больше права публиковать свои произведения у других издателей. В этот трудный для Чехова период Горбунов-Посадов попросил у него разрешения напечатать три рассказа: «По делам службы», «Душечка», «Случай из практики».

² 27 января 1899 г. Чехов ответил, что намерение «Посредника» теперь несущественно и публикация произведений не у А. Ф. Маркса грозит ему «крупной неустойкой». После этого Горбунов-Посадов возобновил свои просьбы только в 1903 г. 19 марта Чехов ответил на них: «Весною поеду в Петербург, буду видеться с Марксом, поговорю с ним о том, чтобы разрешить «Посреднику» издавать мои мелкие вещи. Он ведь уже напечатал с него» Маркс, видимо, разрешения не дал, и больше в «Посреднике» произведения Чехова при его жизни не печатались.

³ В связи с ухудшением здоровья Чехов был у профессора Остроумова Алексея Александровича, заведовавшего клиникой Московского университета. 24 мая он писал сестре Марии Павловне: «Он прописал мне пять рецептов, а главное — запретил жить зимой в Ялте, находя, что ялтинская зима вообще скверная, и приказал мне проводить зиму где-нибудь поблизости Москвы, на даче».

⁴ Конец фамилии не поддается прочтению (автограф поврежден). Вероятно, речь идет о Павле Александровиче Вуланже, последователе учения Л. Н. Толстого, корреспонденте Чехова (в его письмах тоже затрагивается вопрос о деятельности «Посредника»). П. И. — возможно, описки Чехова.

⁵ Возможно, речь идет о Савве Тимофеевиче Морозове.

1994